

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Я.И. ГИЛИНСКИЙ

САМОУБИЙСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

В статье предпринят социологический анализ самоубийства как сложного социального явления. Представлена динамика самоубийств в СССР, РСФСР и России в сравнении с некоторыми другими государствами. На основе теоретических посылок и результатов эмпирических исследований показано суицидогенное значение таких факторов, как социальный и образовательный статусы, а также рассогласование статусов.

Ключевые слова: самоубийство, социальный феномен, динамика самоубийств в России, суицидогенные факторы.

Есть лишь одна по-настоящему
серьезная философская проблема —
проблема самоубийства.

А. Камю

Кажется, нет ничего проще, чем понять, что такое самоубийство, когда говорят: «Он покончил жизнь самоубийством» или «Она покушалась на свою жизнь». Как пишет один из крупнейших современных исследователей самоубийства Эдвин Шнейдман, «операционально самоубийство определяется так: мертвый человек — дырка в голове — пистолет в руке — записка на столе» [1].

Наши реакции на ставшие известными случаи добровольного ухода из жизни также довольно просты — сожаление о погибшем человеке и «диагноз»: «слабовольным был», «с психикой не в порядке», «допился», «жена довела», «жизнь довела». Между тем суицидальное поведение — один из сложнейших социальных феноменов, требующий серьезного отношения и изучения.

Гилинский Яков Ильич — доктор юридических наук, профессор; завкафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиал) академии Генеральной прокуратуры РФ. **Телефон:** (812) 515-73-96.
Электронная почта: yakov.gilinsky@gmail.com

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ежегодно в наступившем веке добровольно уходят из жизни порядка 1 100 000 человек. А если учитывать реальное количество (с учетом «замаскированных» под несчастные случаи, ДТП, «пропавших без вести» и др.), то число самоубийств возрастает до 4 млн человек в год. Число же покушавшихся на свою жизнь — в 10–20 раз больше. Только в России по официальным данным за десять лет, с 1994 по 2003 г., покончили жизнь самоубийством свыше 558 тыс. человек, или в среднем свыше 55 тыс. человек в год.

Количество и уровень (в расчете на сто тыс. человек населения) самоубийств как следствие социального неблагополучия служит одним из важнейших индикаторов социального, экономического, политического, нравственного состояния общества. Не случайно в бывшем СССР тема самоубийства в течение многих десятилетий находилась под строжайшим запретом. Ибо, как заметил еще в середине XIX столетия Г. Бокль, «самоубийство есть продукт известного состояния всего общества» [2]. Руководство СССР, осознанно или интуитивно понимая это, тщательно скрывало ситуацию с самоубийствами в стране.

Самоубийство, суицид (лат. *sui* — себя, *caedere* — убивать) — *умышленное (намеренное) лишение себя жизни*. Это лишь одно из возможных и наиболее простых определений сложного социального феномена. Не считается самоубийством лишение себя жизни лицом, не осознающим смысл своих действий или их последствий (невменяемые лица, дети в возрасте до пяти лет). В этом случае фиксируется смерть от несчастного случая.

Суицидальное поведение включает завершённое самоубийство, суицидальные попытки (покушения) и намерения (идеи). Эти формы обычно рассматриваются как стадии или же проявления одного феномена.

В самом широком смысле самоубийство — вид саморазрушительного, аутодеструктивного поведения (наряду с пьянством, курением, потреблением наркотиков, а также переизбытком).

Под словом «самоубийство» в русском языке понимаются два разнопорядковых явления: во-первых, *индивидуальный* поведенческий акт, лишение себя жизни конкретным человеком; во-вторых, относительно массовое, статистически устойчивое *социальное явление*, заключающееся в том, что какое-то количество людей добровольно уходят из жизни. В некоторых языках, включая английский, немецкий, русский, отсутствует дифференциация этих понятий. Поэтому лишь из контекста бывает ясно, идет ли речь о поступке человека или же о социальном феномене.

Самоубийство — весьма сложный, многоуровневый (философский, социальный, психологический, нравственный, юридический,

религиозный, культурный, медицинский) междисциплинарный феномен [3, с. 323–376; 4, 5].

Лишение себя жизни психически здоровым человеком (а таких случаев, вопреки довольно распространенному мнению, большинство), в конечном счете, есть следствие отсутствия или утраты смысла жизни, результат «экзистенциального вакуума» [5]. А ведь смысл жизни — *философская*, мировоззренческая проблема. Не удивительно, что тема самоубийства звучала в работах большинства известных философов. Но особое место самоубийство заняло в творчестве экзистенциалистов — Кьеркегора, Камю, Сартра, Хайдеггера, Яспера. Последний, будучи врачом по профессии, заметил: «Больной человек идет к врачу, здоровый — кончает самоубийством». Этот парадоксальный вывод был направлен против сторонников объяснения суицидального поведения исключительно психическими заболеваниями. А. Камю писал: «...вопрос о смысле жизни я считаю самым неотложным из всех вопросов», а потому «есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема — проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии» [6].

Мотивация суицидальных актов, их ближайшая непосредственная причина — это проблемы, прежде всего, *психологические* и социально-психологические. Генезис же самоубийства как социального явления, подчиняющегося определенным закономерностям, — предмет *социологии*.

Самоубийства в разных обществах и в различное время приобретали различную *религиозную, нравственную и правовую* оценку: от безусловного религиозного (у католиков, мусульман) и правового запрета (в дореволюционной России была предусмотрена уголовная ответственность за попытку самоубийства) до ритуальных, социально одобряемых или же обязательных самоубийств (сати индийских вдов, японское сэппуку — харакири и т. п.).

Суицидальное поведение является неотъемлемой составляющей *культуры* как способа существования общественного человека. Культура аккумулирует все социально значимые формы человеческой жизнедеятельности. При этом каждая культура «оформляет» («конструирует») виды деятельности, включенные в нее. Так, можно говорить о суициде в буддистской, индуистской, исламской, древнегреческой, древнеримской, христианской, западноевропейской, североамериканской и иных культурах [7, 8].

Самоубийства служат вечной темой в *искусстве*. Достаточно вспомнить «Новую Элоизу» Руссо, «Страдания молодого Вертера» Гете, «Бедную Лизу» Карамзина или же «Отель “Танатос”» Моруа. Суицидальное поведение может явиться следствием соматических

(прежде всего, онкологических) и психических заболеваний, становясь предметом *медицины, психиатрии* [9].

Для социологии и истории *творчества* небезразличен анализ носительной распространенности суицидального поведения среди творческих личностей — писателей, поэтов, ученых, художников. Неудивительно, что и суицидологическая литература уделяет немало внимания анализу суицидального поведения творцов [10–13].

Однако воспроизводство относительно постоянного, статистически устойчивого для каждого конкретного общества числа добровольных смертей, динамика количества и уровня самоубийств в зависимости от экономических, политических, социальных изменений, неравномерное распределение суицидального поведения среди различных социально-демографических групп населения свидетельствуют о *социальной* природе этого феномена. В мире животных суицидальное поведение либо не наблюдается вовсе, либо ограничивается редкими нетипичными актами, носящими не осознанный, а инстинктивный характер (и поэтому не являющимися собственно самоубийствами). Не случайно Ж.-П. Сартр усматривал отличие человека от животного в том, что человек может покончить жизнь самоубийством.

Э. Дюркгейм в классическом труде «Самоубийство: Социологический этюд» утверждал, что самоубийства зависят от внешних по отношению к индивиду причин, которые следует искать внутри общества, а число самоубийств можно объяснить только социологически [14]. А Питирим Сорокин в 1913 г. на основании проведенного исследования утверждает: «Причины или факторы самоубийства следует искать в социальной или общественной жизни людей» [15].

Отметим ряд закономерностей, свидетельствующих о социальной природе суицидального поведения, следствия закономерностей и противоречий общественного развития.

Количество и уровень (обычно в расчете на 100 тыс. человек населения) самоубийств, как показал еще Э. Дюркгейм, находятся в обратной корреляционной зависимости от степени интеграции, сплоченности общества. Поэтому, по Дюркгейму, уровень самоубийств в католических странах ниже, чем в протестантских. И в наши дни наблюдается более низкий уровень самоубийств в католических странах (Италия, 2002 — 7,1; Испания, 2004 — 8,2), чем в протестантских (Австрия, 2005 — 16,9; Дания, 2003 — 13,6; Финляндия, 2004 — 20,3; Франция, 2003 — 18,0; Чехия, 2004 — 15,5; Швейцария, 2004 — 17,4; Швеция, 2002 — 13,2 и др.) [16]. Исключение составила католическая Польша, где в 2004 г. уровень самоубийств достиг 15,9. Что это — приоритет социально-политических факторов по сравнению с религиозными?

По той же причине во время войн снижается уровень самоубийств (сплочение общества перед лицом общей опасности). Об

этом свидетельствует динамика суицида во время войн, включая Первую [17] и Вторую мировые [18].

Уровень самоубийств повышается в годы экономических кризисов, депрессий и роста безработицы. Так, на протяжении почти всего XX столетия уровень самоубийств в США был весьма стабилен: 10–12 на 100 тыс. человек населения. И лишь в годы Великой депрессии этот уровень возрос до 17,5 (1932 г.).

Как все виды социальных девиаций, самоубийства чутко реагируют на степень социальной и экономической дифференциации населения и темпы ее изменения. Чем выше степень дифференциации, тем выше показатели суицидального поведения. Особенно «самоубийственно» резкое снижение социального статуса («комплекс Короля Лира»). Поэтому относительно высок уровень самоубийств в первые месяцы у солдат срочной службы, среди демобилизованных офицеров, у лиц, взятых под стражу.

Будучи, в конечном счете, следствием отсутствия или утраты смысла жизни («экзистенциальный вакуум») самоубийства растут в годы идеологических кризисов, «смены вех». Как писал Ф.М. Достоевский, «потеря высшего смысла жизни... несомненно, ведет за собою самоубийство» [19].

На уровень самоубийств влияет культурологический фактор: насколько данная культура предлагает, подсказывает суицидальную модель возможного «решения» кризисной ситуации. Может быть, поэтому традиционно высок уровень самоубийств среди жителей стран угро-финской группы (Венгрия, 2003 — 27,7; Финляндия, 2004 — 20,3; Эстония, 2005 — 20,3; Удмуртия, 1986 — 41,1), а уровень самоубийств у черного населения США значительно ниже, чем у белого, хотя социально-экономические различия заставляют предположить обратное [20]? Как известно, нет правил без исключения. В современной Литве — стране с преобладанием католического населения (литовцы и поляки) оказался один из самых высоких в мире уровень самоубийств (в 2005 г. — 38,6 на 100 тыс. человек населения, в 2007 г. — 42). Это обстоятельство уже получило наименование «литовского парадокса» [21]. В некоторых культурах сложился ритуал добровольного ухода из жизни: японское сэппуку (в западном варианте и для японцев — с элементами иронии — харакири), сати индийских вдов и т. д.

Наконец, устойчиво одинаковое распределение самоубийств среди различных социально-демографических групп населения также свидетельствует о социальной природе самоубийств [3, с. 361–370; 17; 22–24].

Конечно, сказанное не исключает роли других факторов. Так, на уровне индивидуального поведения несомненно значение *психологических*

характеристик индивида. Афористическое высказывание В. Леви «Социум выбирает из психогенофонда» [25] удачно демонстрирует связь между этими двумя уровнями. Действительно, *социальные условия*, преломляясь через индивидуальные, личностные, психологические *особенности* конкретного человека, реализуются в виде суицида, или убийства, или невроза, или иной реакции.

При прочих равных условиях, уровень и динамика суицидального поведения могут зависеть и от космических факторов (солнечная активность, геомагнитные бури и т. п.) [26].

Ниже будет предпринят краткий анализ динамики самоубийств в России (на основе данных официальной статистики, которая, напомним, отражает не все фактические случаи). Динамика уровня завершенных самоубийств в бывшем СССР (табл. 1) очень наглядно демонстрирует зависимость от социально-политических условий: первый минимум в годы хрущевской «оттепели» (17,1 в 1965 г.); нарастание в годы «застоя» до максимума 29,7 в 1984 г.; сокращение до 18–19 в годы горбачевской «перестройки» с последующим ростом до 21,1 к концу существования Союза (1990 г.).

Таблица 1

Уровень завершенных самоубийств в СССР (на 100 тыс. населения, 1965–1990 гг.)

1965	1970	1975	1980	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990
17,1	23,1	25,8	28,9	29,7	24,6	18,9	19,1	19,5	21,0	21,1

Аналогичная динамика наблюдается в РСФСР/РФ (табл. 2): первый максимум (35–39) в те же «застойные» 1980-е годы; сокращение до 23–24 в период горбачевской «перестройки» и постепенное возрастание до 41–42 к 1994–1995 гг. Так, если за 1980–1984 гг. («застой») в среднем за год было 49,7 тыс. самоубийств, за 1990–1994 гг. («постперестройка») — 48,5 тыс., то в течение 1985–1989 гг. («перестройка») — 37,0 тыс. человек кончали жизнь самоубийством [22, с. 78]. С 2003 г. фиксируется постепенное снижение уровня завершенных самоубийств до 26 в 2009 г.

Важно отметить, что сокращение уровня самоубийств в середине 1980-х годов («перестройка») с последующим ростом к середине 1990-х годов происходит во всех странах Прибалтики и Восточной Европы, подтверждая значение социально-политических изменений для суицидальных проявлений [3, с. 360; 27, 28, с. 165, 173, 179].

Положительная динамика последних лет в России пока не нашла приемлемого объяснения. Однако она совпадает с аналогичной динамикой самоубийств в других странах [21, с. 10–18; 28, с. 299–300] и — с аналогичным трендом уровня преступности и основных видов преступлений [29, 30]. Мне уже приходилось отмечать этот пока не

объясненный феномен. Может быть, такие девиантные проявления, как преступность и самоубийства, помимо выявленных зависимостей от экономических, социальных, политических, культурологических факторов, подчиняются неким общим внутренним закономерностям, не нашедшим пока научных объяснений?

Таблица 2

Уровень завершенных самоубийств в России (на 100 тыс. населения, 1980–2009 гг.)

1980	1984	1985	1986	1987	1988	1989
34,6	38,7	31,1	23,1	23,3	24,4	25,8
1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
6,4	26,5	31,0	38,1	41,8	41,4	39,4
1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
37,6	35,4	39,3	39,3	39,7	39,5	36,5
2004	2005	2006	2007	2008	2009	
4,3	32,2	31,0	28,8	27,0	26,5	

При всех временных колебаниях Россия в течение многих лет занимает одно из первых мест в мире по уровню завершеного суицида. Так, в 1994 г. Россия по этому показателю заняла второе место в мире после Литвы. На третьем месте была Латвия, на четвертом — Эстония, на пятом — Белоруссия, на шестом — Венгрия [28, с. 116–119]. В 2007 г. наибольший уровень завершенных самоубийств был в Литве (42), далее шли Россия и Белоруссия (36–37), Казахстан (30), Венгрия (28,5), Латвия (26). Наименьший уровень, приближавшийся к нулю, — в Египте, на Гаити, Ямайке [16]. К 2010 г., по данным, озвученным на международной конференции “Developing an evidence base on social and public health determinants of suicide in Eastern Europe” (сентябрь 2010, Таллин), Россия вышла на первое место в мире, обогнав Литву.

Небезынтересными представляются некоторые результаты диссертационного исследования Е.С. Ушаковой (под руководством автора этих строк) «Суицидальный риск: социологический анализ» (СПб., 2010), свидетельствующие о значении ряда социальных факторов в генезисе самоубийства [31, 32]. В основу эмпирической части исследования был положен online опрос свыше 1200 респондентов (2006–2009 гг.), а также вторичный анализ опубликованных результатов исследований отечественных авторов.

Была показана значимая суицидогенная роль таких социальных факторов, как уровень образования: чем выше образовательный статус, тем ниже суицидальный риск (график 1) — и профессиональный статус: чем выше статус, тем ниже суицидальный риск (график 2).

График 1

Зависимость суицидального риска от уровня образования

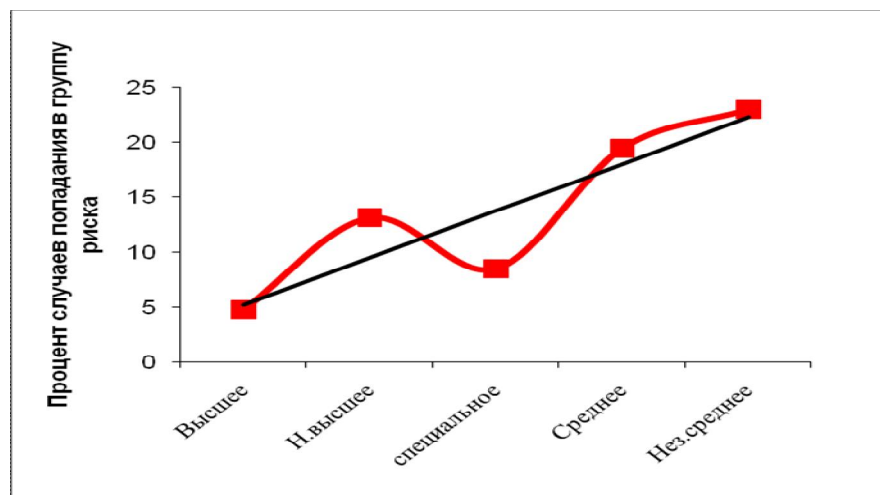
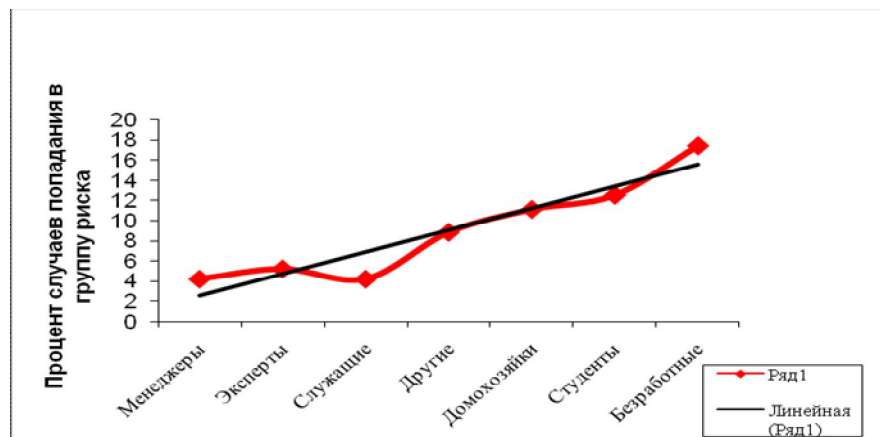

График 2

Зависимость суицидального риска от профессионального статуса

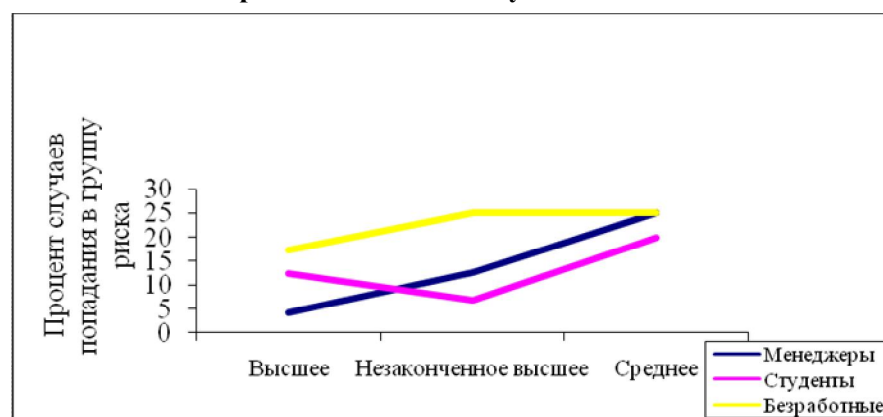

Весьма интересной оказалась выявленная зависимость суицидального риска от рассогласования профессионального и образовательного статусов. Несовпадение уровня образования социальному положению приводит к увеличению суицидального риска (график 3).

Теоретически девиантогенная (и криминогенная) роль рассогласования статусов была показана Л.И. Спиридоновым еще в 1973 г. [33, с. 167]. Эмпирическим подтверждением тому явились, в частности, результаты исследования Е.С. Ушаковой.

График 3

Зависимость суицидального риска от рассогласования профессионального и образовательного статусов

Вышеизложенное, во-первых, подтверждает социальную природу самоубийств и, во-вторых, позволяет утверждать, что уровень и динамика суицидального поведения служат значимыми показателями социальной, экономической, политической ситуации в той или иной стране.

Очевидно также, что социально-экономическое неравенство, затрудненная (ограниченная) вертикальная мобильность являются основными суицидогенными факторами (равно как криминогенными и девиантогенными вообще) [3, с. 164–174].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schneidman E.* Definition of suicide. Jason Aronson Inc., 1994. P. 7.
2. *Бокль Г.* История цивилизации в Англии. СПб, 1886. Т. 1. Ч. 1. С. 30.
3. *Гилинский Я.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., исправл. и доп. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2007.
4. *Юнацкевич П.И., Гилинский Я.И.* Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: Учебное пособие. СПб., 1999.
5. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 26–33.
6. *Камю А.* Миф о Сизифе // Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 24–25.
7. *Retterstol N.* Suicide: A European perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 10–21.
8. *Полотовская И.Л.* Смерть и самоубийство: Россия и мир. СПб.: ДБ, 2010.
9. *Юрьева Л.Н.* Клиническая суицидология. Днепропетровск: Пороги, 2006.
10. *Cutter F.* Art and the wish to die. Chicago: Nelson-Hall, 1983.
11. *Lester D.* Suicide in creative women. New York: Nova Science Publishers, Inc., 1993.
12. *Лаврин А.* Хроника Харона: Энциклопедия смерти. М.: Московский рабочий, 1993.

13. *Чхартшвили Г.* Писатель и самоубийство. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
14. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. С. 287, 313.
15. *Сорокин П.А.* Самоубийство как общественное явление. Рига: Наука и жизнь, 1913. С. 29.
16. Статистика самоубийств по странам [online]. Дата обращения к документу 14.06.2011. URL: <<http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/countries.htm>>.
17. *Гернет М.Н.* Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974.
18. *Podgorecki A.* Patologia zycia spolecznego. Warszawa, 1969.
19. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя // Полное собрание сочинений. Л., 1982. Т. 24. С. 49.
20. *Akers R.* Deviant behavior: A social learning approach. Belmont, California: Wadsworth, Inc., 1985. P. 279.
21. Baltic suicide paradox / Ed. by A. Värnik, M. Sisask, P. Värnik. Tallinn: TLV Press, 2010.
22. *Богоявленский Д.Д.* Российские самоубийства и российские реформы // Социологические исследования. 2002. № 5.
23. *Мальченко А.Е.* Стратификационные особенности суицидального поведения в современном обществе. Дисс...канд. соц. наук, 2002.
24. *Орлова И.Б.* Самоубийство — явление социальное // Социологические исследования. 1998. № 8.
25. *Леви В.* Искусство быть другим. М.: Знание, 1980.
26. *Чижевский А.Л.* Космический пульс жизни. М.: Мысль, 1995.
27. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / Под ред. Я. Гилинского. СПб: Алетейя, 2000. С. 306–308.
28. Essential papers on suicidology 1993–2008 / Ed. by A. Värnik, M. Sisask, K. Kolves. Tallinn, 2008.
29. International statistics on crime and justice / Ed. by S. Harrendorf, V. Heiskanen., S. Malby. Helsinki: HEUNI, 2010.
30. Центр научно-правовых инициатив Н.А. Лопашенко, 2010 [online]. Дата обращения к документу 13.06.2011. URL: <<http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic>>.
31. *Ушакова Е.С.* Суицидальный риск: социологический анализ. Дисс...канд. соц. наук. СПб, 2010 [рукопись].
32. *Ушакова Е.С.* Суицидальные риски // Социологические исследования. 2008. № 2.
33. *Спирidonov Л.И.* Социальное развитие и право. Л.: ЛШУ, 1973. С. 167.